

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд /под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974—. Вып. 1—.

Havlová 1965 — *Havlová E.* O potřebě slovníku sémantických změn // *Jazykovědné actuality*. 1965. N 4. S. 3–4.

Karlíková 2008 — *Karlíková H.* Úloha principu sémantických paralel v etymologickém výzkumu // *Slavia*. 2008. R. 77. Zeš. 1–3. S. 85–92.

Popowska-Taborska 1989 — *Popowska-Taborska H.* O potrzebie słownika semantycznych paralelizmów // *Paralele w rozwoju słownictwa języków słowiańskich / Red. H. Popowska-Taborska*. Warszawa, 1989. S. 19–26.

Rozwadowski 1903 — *Rozwadowski J.* Semazyologia czyli nauka o rozwoju znaczeń wyrazów. Jej stan obecny, zasady i zadania. Lwów, 1903.

SP — *Słownik prasłowiański*. Pod red. F. Ślawskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, Gdańsk, 1974—. T. 1—. [N. 8 — 2001]

Šivic-Dular 1999 — *Šivic-Dular A.* Besedna družina iz korena *god- v slovanskih jezikih. Ljubljana, 1999.

Wojtyła-Świerżowska 1992 — *Wojtyła-Świerżowska M.* Prasłowiańskie abstractum. Słowotwórstwo. Semantyka. I. Formacje tematyczne. Warszawa, 1992.

С. М. Толстая

Eva Havlová. České názvy savců. Historicko-etymologická studie. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2010. — 270 p. (Studia etymologica Brunensia 10)

Предлагаемая вниманию читающей публики монография, изданная брненским этимологическим отделением Института чешского языка Академии наук Чешской республики, является результатом многолетнего исследовательского труда выдающегося чешского этимолога Эвы Гавловой, вся творческая деятельность которой была связана с Брно, ученицы известного этимолога, слависта и индоевропеиста Вацлава Махека. К сожалению, автор не дождалась выхода в свет этой книги, окончательную подготовку которой к изданию осуществили коллеги по этимологическому отделению.

Монография состоит из вступительной заметки редакторов И. Янышковой и Х. Карликовой (с. 7), общего предисловия Яна Зейды (с. 11–14), основного корпуса историко-этимологического комментирования зоологической терминологии в общепринятом зоологическом классификационном порядке (с. 17–200), списков сокращений использованной литературы, упоминаемых языков и др. (с. 203–211), а также словарных индексов (словоуказателей) (с. 215–269), которые делают возможным целенаправленный поиск интересующих словарных статей.

Обобщение истории развития чешской зоологической терминологии с первой четверти XIX в. и донныне, пожалуй, окажется аналогичным истории терминологического творчества во всех европейских языках. Подавляющее большинство чешской зоологической терминологии (а именно,

наименования млекопитающих) имеет искусственную природу, введено в употребление выдающимися чешскими народными будителями и зоологами XIX в. в результате транслитерации и фонеморфологической адаптации научной латинской терминологии, сформировавшейся в последней трети XVIII в. на базе как греко-римской зоологической терминологии, так и на базе колониальных адаптаций туземных названий экзотических видов животных. Наблюдается большое количество случаев переоформления латинских форм чешскими словообразовательными средствами, еще чаще встречается калькирование латинских и греко-латинских искусственных словообразований, нередко с оглядкой на немецкое терминологическое словообразование. В ряде случаев творцы терминологии использовали чешские устаревшие, диалектные, региональные, просторечные наименования животных. Некоторые, предложенные в XIX в., термины не удержались в языке, были заменены на более удачные, с точки зрения чешских зоологов и лексикографов зоологической терминологии XX в. Историко-этимологический комментарий Э. Гавловой в данных случаях, как правило, является безупречным.

Для нас наибольший интерес представляют словарные статьи, содержащие этимологию праславянской терминологии диких и домашних животных. Остановлюсь на некоторых проблемных праславянских этимологиях, обсуждаемых на страницах книги Э. Гавловой.

К принятой Э. Гавловой (с. 185) этимологии праслав. **baranъ* (ср. др.-инд. *ūraṇa* ‘ягнёнок, баран’, *ūrṇa* ‘шерсть’ и *ūrā* ‘овца’) (ЭССЯ 1, 155–158) можно добавить альтернативную этимологию (заимствование при вероятном тюркском или угорском посредстве из индоарийских диалектов) на базе др.-инд. *bharaṇa-* м., ж., ср. р. ‘несущий, поддерживающий’, ‘вынашивающая в утробе’, ‘приносящий, обеспечивающий, доставляющий, снабжающий’ (Monier-Williams 747), видимо, в знач. ‘доставляющий средства к жизни’, ‘движимое имущество в виде скота’ (?), семантика производящего глагола позволяет допустить и знач. ‘приносимое в жертву’. См. ниже **borvъ*

Этимология праслав. **bobrъ*, **bebrъ*, **bьbrъ* (с. 70) — пережиток и.-е. словообразования (редупликация корня, основа на *-u-*) с первичным значением ‘бурый’ представляется автору вполне обоснованной (ср. ЭССЯ 2, 145–146; 3, 159). Неудовлетворительна этимология лат. наименования бобра *castor* как заимствования др.-греч. *Κάστωρ*, ИС одного из Диоскуров. Совершенно ясно, что лат. *castor* отвлечено от гл. *castro*, *-avi*, *-atum*, *-are* ‘подчищать, подрубать, подрезывать (ветви, деревья)’, ‘обрубать, укорачивать’, собственно латинское словообразование мотивировано самым заметным способом жизнедеятельности бобров.

Этимология праслав. **borvъ* обсуждается на сс. 182–183, автор склоняется к мысли о производности этого слова посредством расширителя *-u-* от корня **bher-* ‘бить, резать’ (вслед за составителями Праславянского словаря (SP 1, 332), М. Сноем (Snoj², 55) и В. Орлом (Orel HgermEt 37)). Основанием для принятия данного этимологического решения являлось

предположение о родстве праслав. **borvъ* и прагерм. **barugaz*, с одной стороны, и предполагаемая первичная семантика ‘кастрированное животное’ – с другой. Недавно была вновь высказана идея о звукоподражательной природе корня (**bhor-* ‘издавать неясные звуки’) этого праслав. слова¹. Представляется сомнительным весь ход этимологизации этого слова: 1. праслав. **borvъ* и прагерм. **barug-az* или **barg-uz* или **barg-waz* могут оказаться совершенно неродственными (настораживает собственно прагерм. реконструкция, предполагаемое словообразование посредством сингулятивного суф. *-k-*, *-uk-* при возможности бытования корневого **bhorgh-*); 2. недооценивается этимологами и общая семантика славянских дочерних форм, где помимо значения ‘(не)кастрированный кабан или баран’ обильно представлено значение ‘голова мелкого рогатого скота (особенно при счете)’, ‘баран, овца, коза вообще’. Эти сомнения рождают надежду на поиск и обнаружение альтернативной этимологии. Прежде всего, обращу внимание этимологов на великопеленное палеобалканское целно-лексемное соответствие праслав. **borvъ* — название зверей неизвестной породы в области кочевников в Ливии *βόρρες* (Геродот кн. 4, гл. 192, строка 8). Предполагаемая форма ед. ч. им. п. *βόρρος*, род. п. *βόρρος* абсолютно соответствует раннепраслав. **boru-*, **boruo-*. Остается только пожалеть, что ни отец истории, ни эллинистические лексикографы не оставили нам никакого намека на конкретную семантику слова (обозначаемое), ни на природу его. А природа слова может оказаться звукоподражательной при корневом отождествлении *βόρρος* с др.-греч. *βορέας, βορέης, βορῆς, βορρᾶς* ‘воющий, ревуший (о северо-восточном ветре)’. Сюда же и архаичное наименование Геллеспонта (Дарданеллы) *Βορροθῆνης* букв. ‘ревуший сильно’. При этой трактовке — первичное значение **borvъ* — ‘блеющий’ (?). Затем, следует обратить внимание на целый ряд индоарийских целно-лексемных параллелей праслав. **borvъ*, позволяющих прийти к совершенно иной семантике производящего корня (RJA I, 610; Machek² 65). Речь идет о др.-инд. *sū-bharva-* ж, м., ср. р. ‘eating or feeding well as a bull; едящий или питающийся хорошо, как бык; well nourished; хорошо упитанный’ (Monier-Williams 1243), соотносимом с глаг. *bhārvati, bhārb(h)ati* ‘to chew, devour, eat; жевать, пожирать, есть’ (Ригведа), ‘to hurt, injure; повреждать, причинять повреждения’ (Monier-Williams 1243; Mayrhofer II, 252) и производном от глаг. корня *bhri-* с богатейшей семантикой, допускающей развитие значений как ‘движимое средство пропитания, т. е. скот’, ‘приносимое в жертву’, так и ‘кормящееся, питающееся, упитанное (о домашних животных)’ (Monier-Williams 764). К этой группе слов (*bharva-*, *bhārvati*) примыкает, похоже, и др.-инд. *bharu-* м. р. ‘господин, хозяин’ и производное от него ИС *bharuka-* (Monier-Williams 748). Этимомом предположительно является и.-е. глаг. **bher-* ‘нести’. Ср. в словообразовательном и семантическом отношении др.-инд. *pāsu-* или *paśu-*, род. п. *paśvās*, др.-перс. *pasu-* ‘скот’ и др.-инд. *paśuka* ‘any small animal’, др.-перс. *pasuka-* ‘голова скота’ — прямая семантическая параллель для слав. словоупотребления (Monier-Williams 611–612). И, к слову, индоар. *bharuka-* идеально подходит на роль целно-лексемного заимствования в

прагерманский язык (*barugaz).

Праслав. *byvolъ (с. 179) предпочтительнее толковать как заимствование из позд. лат. *būbalus*, *buualus*, *bufalus* 'буйвол' (VIII в.) (ЭССЯ 3, 158–159).

Праслав. *čelověkъ (с. 64) трактуется согласно установившейся этимологии (ЭССЯ 4, 48–50). Автор повторила свое семантическое толкование 1966 г.

Праслав. **ďxhor'ъ* (с. 144) этимологизируется сообразно общепринятому толкованию (ЭССЯ 5, 177). Примечательно авторское отступление о контаминации чеш. диал. *tchoř*, *schoř* с йдиш. *sechore* и нем. арготизмом *Schore*, *Skore* (понятия воровского обихода).

Праслав. *gornostalъ (с. 143) ставит автора перед необходимостью поиска объяснения как путей заимствования н.-нем. *harmenestail-* в вост.-слав. *gornostajъ, так и нерегулярностей фонетической адаптации германизма в сев.-слав. языках (отчего *h-* → *g-*?). Остается без ответа и вопрос о соотношении germ. *harmenes-* и лит. *šarmūo*, *šermūo*, *šarmonys*, которое приводит к и.-е. **k'or-mn-* с невыясненной семантикой и первичной мотивацией номинации.

Праслав. *govędo (с. 175, 178), упоминается мельком, но было бы уместным привести здесь любопытную палеобалканскую глоссу *βόλινθος* 'горный тур, бизон', которая, похоже, имеет тот же словообразовательный суффикс *-indh-*, и явно относится к обсуждаемой лексико-семантической группе слов.

Праслав. **(j)agneъ* (с. 185) подчеркнуто сопоставляется автором с лат., кельт. и герм. формами. Уместно упомянуть также др.-греч. формы *αμνός*, *άγνος*. В результате, можно было бы поставить вопрос о древнем заимствовании из зап.-и.-е. диалектов или о сохранении палеобалканского лексического наследия.

Праслав. **(j)jelenъ* (с. 164) по-прежнему доставляет проблему реконструкции праформы (переоформление первичного *ely, род. п. *elene?) и проблему этимона (и.-е. **el-* 'гнедой' или **el-* 'рог'?).

Праслав. **(j)ežъ* (с. 95) трактуется автором сообразно общепринятому толкованию.

Праслав. *kobyла (с. 151) при более ли менее понятном словообразовании остается загадочным в отношении этимона корневой части (**kob-* или **kom-*, *b ~ m*?). См. ниже *komонь.

Рассматривая производное ж. р. *kočъka (с. 114), автор не усомнилась в правильности реконструкции формы. Можно, тем не менее, предложить иной архетип рус. *кошка* — позднепраслав. *kotъska, предположительно при позд.-лат. посредстве *cattisca (?), цельно-лексемного заимствования из вандалск. диал. **kattisk-*, особенно с учетом существования реального берберо-лив. *kaddiska*.

Праслав. *komонь (с. 151) возводится автором в своей корневой части к корю **kom-*, **čem-*, **čьm-* / **xom-*, **skom-*, **ščem-*. Обращают на себя внимание словообразовательные различия др.-прус. *camnet*, праслав. *komонь,

этруск. ИС *Comenius, Cominius* и лат. *cabus, cabō, cabōnis*.

Праслав. *konь (с. 151) автор возводит как бродячее культурное слово к какому-то ближе неизвестному языку-источнику, рассматривая его как гапологию (сокращение) *komonь.

Праслав. *korva (с. 176) в статье *tur* малоубедительно сопоставляется с др.-инд. глаг. *čárvaṭi*. Зд. обращает на себя внимание почти полное тождество др.-пруск. *curwis* ‘вол’ и второй части скифск. гидронима *Υπα-κύρις, Нура-cyris* ‘Кривой Рог’, лишний раз подтверждающее правильность представлений о мотивации и.-е. наименования крупного скота (наличие рогов).

Праслав. **kotę, *kotь* (с. 114) трактуются как результат переоформления и фонетической адаптации германизма **katt-*, в свою очередь заимствованного из кельт. *kattā, kattos*, позднего заимствования из поздне-лат. *catta, cata, gata, cattus, catus, gattus, gatus*², бродячего культурного слова, как будто бы позд.-егип. происхождения (первоисточник нубийск. *kadīs*?). Все это напоминает решение уравнения со многими неизвестными. Скорее всего, слово *kotь было заимствованно напрямую из поздней латыни (*cat(t)us*).

Этимология праслав. *koza (с. 182) представляется автору все еще не выясненной окончательно (ср. ЭССЯ 12, 19–21). Кажется перспективным продолжить рассмотрение праслав. *koza в сравнении с др.-инд. *chāga-, chaga-, chāgā-* м. р. ‘he-goat; козёл’, прилаг. ‘coming from a goat or she-goat’, *chāgā* ж. р. ‘she goat; коза’ (Monier-Williams 405), которое толкуют как иносказательное наименование ‘limping; хромающий’, ср. др.-греч. *σκάζω* ‘хромать’. Вероятная и.-е. диал. праформа **kheg- / *khog-*. К слову, упомянем и скифо-фраг. **koz-* ‘коза’ (?), представленное в скиф. ИС Κοζαῖος, κοζος... (КБН № 839, с. 879) и фраг. ИС Κοζας, Κοζει-, Κοζι-, Κοσι-, Κοσ-, Κοζαπέας, Κοζαπιγραμς, Κοζαρος, Κοζεικενθος, Κοζειλας, Κοζιβιθς, Κοζιθης, Κοζιστης³, ср. также лит. *kōzas* ‘Gefängnis’ (Fraenkel I, 285). См. след.

Праслав. **kozьle, *kozьль* (с. 182) автор склонна связывать с гот. *hakuls* ‘плащ’. Представляется более перспективным сравнение с палеобалканским материалом — фраг. ИС Κοζειλας, Κοζιθης⁴ и ср.-инд. *chagalā-* ж. р. ‘she-goat; коза’, *chāgala-* м. р. ‘he-goat; козёл’, ‘происходящий от козы, козла, козлиный’, *chagalaka-* м. р. ‘he-goat; козёл’ (Monier-Williams 404, 405).

Праслав. *krьть (с. 98) автор сопоставляет с лит. *kertūs* ‘землеройка *Sorex*’. Справедливо соотносили это слово и с праслав. глаг. **čersti, *čьrtō* и отглагол. сущ. *čьrtь* (ЭССЯ 4, 75–76, 164–166).

Праслав. **kuna, *kunica* (с. 140) толкуется автором в сопоставлении с др.-пруск. *sauna* и др.-инд. *çona* ‘алый, красный’, ‘багрянец’, ‘красный цвет, золотой цвет’. Это сопоставление побуждает предполагать не исконную природу праслав. слова, а заимствованную (из др.-пруск.?).

Праслав. диал. *кьnorзь (с. 156), упоминается автором как полная форма для сокращений типа *кнур, кныр*. В недавние годы было предложено толковать это слово как уникальное архаичное приставочное отыменное производное (**кьn-* = и.-е. **kom-* ‘с’) от *orzь ‘testiculus’⁵.

Праслав. **lasica, *lasьka* (с. 142) вызвали неслучайные затруднения

автора. Ее сомнение вызвала и реконструкция **laska*, нерегулярная в плане отражения стечения согласных *-sk-*. Обращу внимание этимологов на возможность заимствования этого зоонима из индоарийских диалектов в праслав. Речь идет о лексическом гнезде производных др.-инд. глаг. *las-*: отглаг. сущ. *lāsa-* м. р. ‘прыганье, подскакивание; act of jumping’, *lasa-* м. ж. ср. р. ‘играющий, двигающийся туда-сюда; playing, moving hither and thither’, *lasaka-*, *lāsaka-* ‘резвящийся, пляшущий’, ‘плясун, танцор’, *lāsika* ‘dancing, танцующий’. Ср. словообразование праслав. **lasica*, **lasъka* и др.-инд. *lāsika*, *lāsaka-*.

Рассматривая этимологию праслав. **lisa*, **lisica*, **lišь* (с. 129) автор справедливо обращает внимание на наиболее близкие в словообразовательном отношении индоиранские формы. Действительно, сопоставление праслав. **lišá* с др.-инд. словами *lopāsá* ‘jackal, fox or a similar animal; шакал, лиса или подобное животное’ (уже в Ригведе) (Monier-Williams 904), *laupāsá-* ‘kind of jackal; разновидность шакала’, *lopāsaka-* ‘female jackal, fox; самка шакала, лисица’, как будто бы производными от гл. *lup-* < и.-е. **lup-*, **ulp-* (Рокотпу I, 1179), побуждает задуматься о реконструкции праслав. праформы и причинах ее разрушения. Похоже, праслав. **lišá* < **l’upsá* < **l’upēsá* является результатом деградации и.-е. диал. **leupēcá* (ср. праиндоевр. **loupēcá*) < **leupēk’é* < **ulpēk’-* (ЭССЯ 15, 137–139). Мутация *li-* < *l’u-* известна и в других праслав. формах, выпадение гласного в предударном слоге *-ps-á* < *-pēs-á* также возможно. Раннепраслав. **l’upēsá* можно рассматривать как результат метатезы **ulpēcá*, которое сближает его с лат. *volpēs-ula* ‘лисичка’, *vulpic-ulus*, с одной стороны, и с лит. *vilpišys* ‘дикая кошка’ — с другой. Остается без ответа вопрос, чем были вызваны такие впечатляющие мутации? Высокой частотой употребления слова? Аналогом этой деградации может послужить праслав. **lišь*, если реконструировать такую последовательность изменений: **lišь* < **l’upstь* < **leup-st-os*, производное от и.-е. корня **leup-* / **lep-* // **leub-* / **leubh-* ‘очищать от кожуры, облупливать’.

Праслав. **ljudyje* рассматривается в связи с чеш. *Lidé*, *Lidoopoviti* = *Hominidae* (с. 64), автор возводит это слово к и.-е. глаг. корню **leudh-*: **loudh-* ‘расти’. Впрочем, представляется перспективным поиск иных генетических связей для праслав. **ljudyje*, к примеру — с лит. *liáuti* ‘прекращать’, греч. *λύω* ‘развязывать, высвободить’, *ἐλεύθερος* ‘освобожденный, свободный’, восходящими к и.-е. **leu-* (ЭССЯ 15, 194–200).

Праслав. **lьнь*, **lьnica* (с. 118) автор склонна считать заимствованием из прагерм. **liuwaz*, восходящего через лат. *leō*, *-onis*, греч. *λέων* к др.-егип. *rw* [lawi], копт. *λαβοι* [lavi] ‘лев’ (ср. ЭССЯ 17, 105–107). В этой цепи заимствований заметны неисправные звенья (прагерм. форма не выводима из лат., др.-егип. слово *rw* отличается от семитск. *labbu*, *lābu*, *lābī*). Можно предложить совершенно иную, менее противоречивую схему: прагерм. **liuwaz* воспринято из раннего праслав. **ljivos*, которое восходит к и.-е. **læuicos* ‘ловец, облавный охотник’, соотносительному с глаг. **læu-*, **lau-*, **lāu-* ‘ловить, добывать’, ‘лов, облава’ (ЭССЯ 16, 111–113). Др.-греч. и лат.

слова являются суффиксальными производными (-*оли*-) от рефлекса вышеупомянутого и.-е. корня. Напомню, что львы обитали в средиземноморском поясе Европы еще во 2-й половине II тыс. до н. э. (Немейский лев, львы во Фракии и Иллирии, например). И.-е. формы в результате миграций нескольких племен попали на Ближний Восток, где дали продолжение в виде хетто-лув. *ḫalḫa-*, *ḫalḫi* 'лев' и тохарск. *lu* 'зверь', были заимствованы в егип. *rw* и семитские языки.

Праслав. слово **myšь* (с. 81) не получило авторского этимологического толкования (ср. ЭССЯ 21, 64–67).

Рассматривая этимологию праслав. **netopyрь* (с.110), автор обращает внимание на сильное идеологическое влияние (табуирование), на народно-этимологическое переосмысление, переоформление этого слова. Она предлагает усматривать в первой части словосложения с соединительным -*о*- вариант и.-е. **nekt-*, соотносимый с праслав. **nokt'ь* 'ночь' (ср. хетт. *neku*). Вторая часть **pirь*, **pyрь* восходит к и.-е. **per-* 'летать'. Реконструируется семантика 'летающий в ночи'. Толкование этого слова, которое понимается как сложение с участием отрицательно-усилительных элементов **ne to *pyрь* 'не то птица, не то зверь' (ЭССЯ 24, 143–145), не привлекло внимания автора. Можно, к тому же, предложить этимологию на основе глг. *топырить(ся)*, т. е. наращенного усилительным *то-* глг. *пырить* 'топорщить(перья)'. Вычленяемое сущ. *топырь* следует понимать как 'нечто топорщащее перья, топорщащееся, топырящееся'. Предложенное толкование *не-топырь* оказывается словообразовательно и семантически (мотивационно) тождественным *у-пырь*, только более эмоционально окрашенным. См. ниже *упырь*.

Предположительно праслав. **norьka*, **norьkь* (с. 144) представляются автору собственно славянскими производными от глг. **noriti* 'нырять, погружаться в воду'. Гораздо убедительнее другая этимология этих, преимущественно вост.-слав. слов, старых заимствований из финских языков (финно-угорск. *nörk* 'горноста́й, ласка'), претерпевших различные народно-этимологические переоформления и переосмысления.

Праслав. **olni*, **olnъjь* (с. 164) справедливо сопоставляется автором с лит. *álnis* 'олень', *álnė* 'самка оленя, лань', лтш. *ālnis* 'лось'.

Праслав. **olsь* (с. 160) автор склонна сблизить с рефлексами прагерм. **alg-*, которые признаются также источником лат. *alcēs*, позд.-греч. *άλκη*, что невероятно. Представляется более обоснованным мнение о независимом продолжении и.-е. **ǵk'* - в отдельных и.-е. праязыках: прагерм **algō* из некоего палеобалкан. или кельто-иллир. **alkā*, откуда и лат. *alcēs*, и позд.-греч. *άλκη*; праслав. **olsь* 'лось' вместе с др.-инд. *ṛṣya-* 'антилопа-самец' восходят к вост.-и.-е. диал. **ǵios* < **ǵk'ios*, производному прилаг. на *-ios* от и.-е. сущ. м. р. **ǵk'os* или даже **ǵk'ēs* / **ǵk'ās*. Случай примечателен тем, что удается реконструировать не только фонологический состав, но и просодический контур слова. Ср. мало внятную реконструкцию приверженцев ларингальной гипотезы **H₁elk'-/*H₁olk'-i-* (с. 161). Корневая часть этого слова может оказаться нетождественной **(j)elenь*, **olni*, **olnъjь*.

Праслав. *osъlъ (с. 152) возводится автором к поздне-прагерм. *asiluz, представленному в готск. словосложении *asilu-qairnus* 'ослиный жернов'. Прагерм. форму полагают адаптированным (или переоформленным) заимствованием лат. *asinus* 'осёл', восходящего вместе с др.-греч. *ὄνος* к ближе неизвестному ориентальному источнику, предположительно уже в нем должна была произойти метатеза (*ašnu*) в заимствованном шумер. *anšu* 'осел'.

Праслав. *ovъca (с. 185) справедливо сопоставляется автором с др.-инд. *avikā* 'овечка' в семантическом и словообразовательном отношении. Еще одна исключительная праслав.-индоарийск. изоглосса.

Автор полагает, что прасл. *qpirъ, *qpyrъ (с. 105, 110) не имеет ни уверенной этимологии, ни ясной мотивации словотворчества. Не следует ли толковать это слово по аналогии с сущ. *удол*, *увоз*, *уток*, *онуча*? В данном случае приемная приставка **q-* (перед корнем на согласный), **on-* (перед корнем на гласный) употребляется при именах существительных (ср. **въ-* в приставочных глаголах). Следовательно, *pirъ или *pyrъ является именем существительным, но не с привычным в данной модели именным *-o-* вокализмом корня, а с продленным вокализмом в глаг. корнях **рър-* или **рър-*. Первый вариант — однокоренное праслав. гл. *perti, *рърq 'парить, лететь'. Этот вариант чаще всего принимают за основу этимологии. Второй — редкое *pyrъ, производящее для каузативного глаг. на *-iti* — *pyriti (*se*) 'топорщить(ся)', 'шетиниться'. Второй вариант представляется мне более подходящим, так как вновь приводит к семантике, аналогичной *не-топырь* (по глаг. *топыриться*), а главное дает корректную словообразовательную оппозицию: *q-pyrъ ~ **въ-рърq, **въ-pyriti.

Праслав. *porsę, *porsica, *porsъcъ (с. 155) автор считает собственно слав. производными (*-ęte*, *-ica*, *-ъcъ*) от рефлекса и.-е. **pork'*-, вероятно, регулярного производного имени от глаг. **perk'*-, **prk'*- 'прыскать; быть пестрым'. Эта давняя догадка имеет семантическую поддержку в виде авест. *parasō* 'подсвинок, поросёнок' при др.-инд. *prṣa-*, *prṣata* 'капля воды; пятно', *prkṣá-* 'пятнистый', *pr'ṣat* 'пятнистый; пятнистая газель', *pr'ṣad-aṣva* 'имеющий пегих лошадей', *prīṣni*, *pr'ṣni* 'variegated, dappled, piebald, speckled, spotted (said esp. of cows, serpents, frogs); пёстрый, пятнистый; пёстрая корова; многообразный' (сюда ли др.-греч. *περκνός* 'тёмно-синий, черноватый' и праслав. **plēsнь?*), *pārṣata-*, *prīṣata-* 'belonging to the spotted antelope, made of its skin; относящийся к пятнистому оленю' (Monier-Williams 622; Кочергина 406)⁶. Впрочем, др.-инд. формы неоднозначны в отношении и.-е. архетипа **prk'ó-* или **prk'zó-*. Широко распространенное и.-е. наименование поросёнка было мотивировано именно реалией дикой природы — поросята дикой свиньи имеют пёстрый вид, так как их спины покрыты яркими полосками.

О праслав. *рълхъ, *рълхъ речь заходит на с. 69–70, в статьях Plch, Plchoviti = Gliridae, Plšivka = Dryomys nitedula. Автор с сомнением относится к сближению праслав. форм с кельтскими и балтийскими языками. К перечисленным в статье славянским рефлексам этого праслав. слова добав-

лю примечательные греч. диал. заимствования: σπελεχός, σπελέχι ‘лесная мышь’ — из сербохорв. стар. *pelh* (Skok III, 69) и σπλήχος ‘большая мышь’ (Мессения) — греч. переоформление посредством паразитического *s-* ст.-болг. суш. *пльхъ, продолжения праслав. *рълхъ, ср. болг. *пльхъ* ‘sciur, крыса *Mus rattus*’. Можно было бы обратить внимание этимологов на природу праслав. -χ- в данном слове. В такой позиции -χ-, скорее всего, является рефлексом и.-е. -sk-/-ks-. Архетипом, таким образом, должен был быть и.-е. *pʃsko- / *pʃkso-, соотносительный с и.-е. же гл. *pelk’-, *polk’ ‘пестрить’, ‘быть пёстрым’, что приводит нас опять к др.-инд. *pṛkṣá-* ‘пятнистый’. Похоже, праславянским словом *рълхъ, *рълхъ именовали первоначально какого-то пёстрого или полосатого мелкого грызуна, а не крыс и мышей.

С сомнением относится автор и к этимологии праслав. *ръсь (с. 126). Ей представляются неубедительными все предложенные этимологии *пса:* и как звукоподражания (подзывание *пс!*), и как однокоренного прилаг. *пестрый*, и как субстантивации прилаг., однокоренного др.-инд. *píṣuna-* ‘зловетший, клеветующий; клеветник, сплетник; доносчик’, лит. *piktas* ‘злой’. Представляется более убедительной этимологией праслав. *ръсь и.е. корня *pk’-, *pek’- ‘шкура, мех, шерсть’, ‘теребить, вычёсывать шерсть’, особенно в паре с этимологией уменьшительной формы *песец* (см. ниже).

Не предлагается новой трактовки и вост.-слав. *ръсьсь (с. 129–130), деминутивной формы к *пес*. Остается неясным и первичное значение: ‘маленький пес’ или ‘маленькая шкурка, маленький мех’. Следовательно, ускользает и первичная мотивация словообразования.

Рассматривая соотношение прагерм. *skēp- ‘овца’ и праслав. *skopъ, *skopъсь ‘кастрированный баран; любое кастрированное животное’ (с. 185), автор усомнилась в обоснованности этого сопоставления в славистической литературе. Действительно, в истории сопоставления прагерм. *skēp- и праслав. *skopъ есть недоуменные места: долгота гласного в прагерм. и краткость в праслав.; глухой смычный согласный [p] равно в прагерм. и праслав.; нерегулярное стечение согласных в анлауте праслав. слово (ожидалось бы *x-*, а не *sk-*: *хомут* — но *оскомина* и *щелить*). Да и наблюдения над словообразованием праслав. слова заставляет задуматься над природой прагерм. слова: 1) праслав. *skopъ является сокращением приставочного *obskopъ, регулярного именного производного с *-o-* вокализмом корня от основы приставочного гл. *obšćepati ‘отрезать чем-л. острым’, праслав. *šćepati продолжает и.-е. гл. *skēp-/ *skēp-/ *skebh- // *skap-/ *skāp-/ *skabh- ‘обрабатывать острым инструментом’; 2) исконное отглагольное имя имело бы вид **хоръ (если из и.-е. *skap-) или **харъ (если из и.-е. *skāp-); 3) развитие семантики шло от ‘обработанный острым инструментом’ к ‘кастрированный’. Прагерм. *skēp- является нерегулярным продолжением и.-е. *skāp- (ожидалось бы *skāf-), а семантическое развитие: ‘обработанный острым инструментом’ → ‘остриженный, остригаемый’ → ‘овца’. Судя по всему, праславянское и прагерманское развитие внешней и внутренней формы слов было параллельным. Германцы не заимствовали слово у славян, а славяне — у германцев.

Этимология праслав. **slonъ* (с. 33) автору не ясна, предложенные этимологами прошлого толкования критикуются как плохо обоснованные. Во многом эта критика справедлива. Остается усматривать в праслав. **slonъ* производное с перегласовкой корня и окончанием -ъ от гипотетического корня ***sľeti*, ***sľnъ* (вариант **kľeti*, **kľnъ*), соотносительного с гл. **sloniti* (**kloniti*). Близкородственные формы: др.-инд. суш. *ślī-* 'elephant; слон', *ślī-pada-* 'morbid enlargement of the leg, swelled leg, elephantiasis; слоновья болезнь, распухание ног', глг. корень *śri-*, *śli-* 'to cause to lean or rest on, lay on or in; fix on, fasten to', 'to lean on, rest on, recline against; прислоняться к, склоняться на, покоиться на', *śaraṇa-* 'shelter, place of shelter or refuge or rest, hut, house, habitation, abode, lair of an animal; заслон, укрытие, убежище, лежка животного' (Monier-Williams 1098, 1104), сюда же лит. *šlajus*, *šlapis* 'слон', гл. *šlieti* 'прислонять', лат. *clino*, др.-греч. *κλίω*, *κλίη* и т. п. Согласно давнему объяснению, слон назван так потому, что спит прислонившись к дереву. Обычно возражают, ссылаясь на книжный характер этого представления и забывая о том, что подобные идеи существуют и распространяются изустно от одного народа к другому задолго до появления всякой письменности и книжности.

Обозревая существующие этимологические толкования праслав. (?) **sormaxa* (с. 139), автор склоняется к принятию трактовки этого слова как исконного⁷. Следует заметить, что таковым это слово является только для восточнославянских языков, откуда оно попало в польский, словацкий, чешский, словенский и болгарский. Сравнение производящих основ вост.-слав. **sormaxa* и лит. *šarmūo*, *šermūo*, *šarmonys* приводит к и.-е. **k'ormn-* с неясной семантикой и первичной мотивацией номинации. М. б., было бы правильнее рассматривать балто-славянские формы как давние заимствования диал. аналогов др.-инд. *carma-*, *cārman* 'hide, skin, leather, parchment; кожа, шкура, пергамен'? Подобные диалектные варианты известны в древних языках Северного Причерноморья: сармато-аланск. **carmaka-* 'кожный, кожевенный' – эпиграф. ИС ΘΙΑΡΜΑΚΟΣ (Танаис), ср. осет. *carm*, мн. ч. *cærmittæ* 'кожа, шкура'. А словообразование **sormaxa* или **sormaka* в целом можно сопоставлять с др.-инд. *carmakhya-* 'form of leprosy' (Monier-Williams 390). См. **gornostalъ*.

Праслав. наименование дикого кота **stьbjь* (с. 114) не имеет уверенной этимологии, по мнению Э. Гавловой. Автор допускает малую вероятность словообразования на основе праслав. **stьblo*, **stьbьlь* (< и.-е. *steib[hj-]*, **stib[hj-* 'стебель, тростина') – **stьbjь*, в таком случае, имел значение 'тростниковый, прячущийся в стеблях'. Это толкование хорошо подходит для подвида *Felis chaus*, но не вполне — остальным подвидам дикого кота. Автору представляется предпочтительнее восстанавливать иное первичное значение 'зверь, лазающий по стеблям, ветвям' (Boryš 753). Впрочем, напомним примечательные цельно-лексемные соответствия — лит. *stibis* 'член', др.-прус. *stibinis* 'брусоч', др.-инд. *stibhi-*, *stibhi-* м. р., *stibhini* ж. р. 'clump, bunch, tuft; метёлка, кисть, пучок' (Monier-Williams 1258).

Праслав. **svinja* в знач. 'дикая свинья' (с.155) имеет общеславянский

статус и обильные и.-е. соответствия. Автор принимает за наиболее достоверную этимологию и.-е. архетипа **sū-s* по гл. **seu-*, **sū-* ‘зачинать, плодиться, родить’, реконструируя для свиньи первичное знач. ‘свиноматка’.

Проф. Э. Гавлова реконструирует праслав. форму **svinьсь* ‘борсук’ (с. 138), производную от обещслав. **svinja*. Представляется, что эта ареально ограниченное словообразование (сербо-лужицкие диалекты) не имеет праслав. статуса.

Этимология праслав. **sъrna* обсуждается дважды (с. 161, 176). Слово возводится к и.-е. диал. форме **k'ŕnā*, производному с суф. *-nā* от **k'ŕa-*, **k'era-*, **k'ora-* ‘рог’.

Праслав. **ščenę* (с. 126) этимологизируется на основе и.-е. **(s)ken-* ‘зачинать, зачать’.

Этимология праслав. **telę*, **telьсь* (с. 177) не представляется автору выясненной до конца. Представляется более обоснованной этимология на базе и.-е. **tel-/tāl-*, **tlā-/tlē-/tlā-* ‘(вы, пере-) носить’. Палеобалканское словообразование греч. (τε)τλαίην, τλήθι, τλήμεναι, 'έτλαν, 'έτλην, 'ετάλασα, τλήναι ‘терпеть, выносить, переносить, претерпеть, дерзать, осмелиться, решиться’, (’ά)τλατος, (’ά)τλητος ‘(не)выносимый’, 'ατλητέω ‘не иметь терпения перенести что-л., быть нетерпеливым’, 'Ατλας, -αντος ‘титанид, Молодой месяц, Новолуние’, лат. *fero*, *(te)tuli*, *(i)lātum*, *ferre* ‘носить etc.’, с одной стороны, подозрительно напоминает праслав. **telę*, **telęte* (др.-греч. прич. τλάς, τλάντος), а с другой – выявляет какие-то древние идеологические ассоциации быка с месяцем новолуния (в др.-греч., др.-иран. традициях). Ср. др.-инд. глаг. *tṛī-*, *tāratī*, *tatāra* ‘пройти, достигнуть цели, конца, прожить определенный период’, ‘выполнить, совершить, претерпеть’ и проч.

Праслав. **turь* (с. 176) возводится автором к и.-е. архетипу неизвестного происхождения **tauros* ‘Bos primigenius, Bos taurus’. Вполне допустимо привлекать для этимологизации этого слова др.-инд. гл. *tu-*, *tauti*, *tavitā*, *totā*, *tūtava*, *tūtot* ‘to be strong’, ‘to injure’, ‘to make strong or efficient’, отглагол. имена *turá*, *tivrá-* ‘strong, severe, violent, intense’, особенно *tauram* ср. р. ‘name of a sacrifice or vow, modification of the full-moon sacrifice’ (Monier-Williams 449, 450–451, 456).

Праслав. **velьbqđь* (с. 158) автор выводит из гот. *ulbandus* ‘слон; верблюд’, старого заимствования из лат. *elephantus* ‘слон’, в свою очередь восходящего к греч. Проф. Э. Гавлова справедливо отмечает, что в прагматическом смысле и славяне и германцы имели смутное представление об этих экзотических животных (верблюды, слон), что отразилось на истории внутренней формы слова.

Праслав. **veprь* (с. 156) и прочие и.-е. параллели автор считает бродячим культурным словом, известным в Месопотамии: аккад. *apparū* ‘щетиный поросёнок’, *ifr*, *ufr* ‘поросёнок, подсвинок’. Однако, больше вероятности того, что в аккадский это слово заимствовано из и.-е. диалектов мигрирующих этносов 2 тыс. до н. э. А этимологию следует искать в и.-е. языковом круге.

Этимология общеслав. *volъ (с. 177) представляется автору недостовой. Нельзя ли связать это древнее слово с и.-е. корнем *yal-* ‘быть сильным’? Тогда бы стало яснее словосочетание *работать как вол*. Ср. лат. *valens, valentis* и праслав. **ieļę, *ieļete*, др.-инд. *turá, tīvrá-* ‘strong, severe, violent, intense’, *taura-* в качестве этимона праслав. *tourъ.

Праслав. *vydra (с. 136) рассматривается как наследие и.-е. древности, которое имеет почти обще-и.-е. происхождение – из *udrā ‘водное животное’. Ср. словообразование др.-инд. *turá, tīvrá-* ‘strong, severe, violent, intense’, *taura-*.

Праслав. *vlkъ (с. 127) возводится автором к и.-е. **vlk^os*. Но проф. Э. Гавлова полагает невозможным обнаружить исконный этимон. Тем не менее, удовлетворительное толкование было предложено: и.-е. глаг. **vlk^o-, *velk^o-, *volk^o-* ‘влечь, волочить, тащить’. Мотивация наименования хищного зверя, думаю, ясна.

Праслав. *zobrъ (с. 174) не представляется ясным автору в этимологическом смысле. Скорее всего, это производное с суф. *-ръ* (ср. **xуtrъ, *bystrъ, *ръstrъ*) от корня **zob-*, по мнению одних, тождественного праслав. *zobъ ‘зуб’, по мнению других — иного происхождения (др.-инд. *jabh- / jambh-* ‘opening the jaws wide, snapping at; широко открывать пасть’). Я бы обратил внимание этимологов на палеобалканские данные: прежде всего, фрак. глоссу *ζόμβρος* ‘бизон’ и фрак. ИС *Zóβρα, Zubra*, и скиф. ИС *Zoβη, Ζωβεις* (Ольвия, Пантикапей). Странного вида основа *hupa-*, известная в северо-причерноморской античной гидронимике (реки *Hupanis* ‘Извилистая’ и *Hupacyris* ‘Кривой Рог’), семантика которой связана с кривизной, искривленностью, витым рогом, также примыкает к вышеперечисленным формам. Этимоном этого корня предлагалось видеть и.-е. корень **gheubh-/ghubh-* ‘сгибать(ся), изгибать(ся), гнуть(ся)’. Если предположить, что перед нами инодиалектная рефлексия и.-е. корня (**zeub-*, назализация вторична, факкультативна, ареально ограничена), то заимствование в праславянском имело значение ‘рогатый, с витыми, изогнутыми рогами’. Что выглядило предпочтительным по сравнению с предлагавшейся первичной семантикой ‘зубастый зверь’. Наконец, никто не обратил внимания на возможность звукоподражательной природы наименования зубра. В основе может быть корень, соответствующий др.-инд. *hum-* ‘трубный звук, издаваемый слоном, громкое мычание быка’ (Monier-Williams 1301). В последнем случае, при словообразовании посредством суф. *-ръ* появился паразитический согласный *-b-* между ним и корнем **zum-/zoum-/zom-*.

Обсуждая праслав. **žerbe, *žerъьсь* (с. 151, 152), автор не уточнила и.-е. архетип, ограничившись только сопоставлением с греч. *βρέφος* ‘ново-рожденный; зародыш’. Между тем, праслав. форма является вариантом и.-е. основы **g^oelbh- (*g^oerbh-)* для обозначения детенышей животных. Ближайшие соответствия: др.-инд. *gārbha-* ‘материнская утроба’ и, особенно, авест. *garabiš* ‘детеныш животного’.

В целом монография организована согласно современной научной классификации млекопитающих. Жирным шрифтом выделены ныне принятые

чешские термины, обычным шрифтом — устаревшие либо не удержавшиеся в языке наименования. Все иллюстрации, которые использованы в книге, взяты из «Жизни животных» А. Э. Брема (две дюжины изображений, список иллюстраций на с. 270).

Проф. Э. Гавлова намеревалась издать монографию в 2009 г., символически в 160-ю годовщину со дня смерти Й. С. Пресла. Однако сделать это не удалось по причине того, что автор продолжала вносить изменения и дополнения в свой труд. Этим трудом высочайшей эрудиции Э. Гавлова поставила памятник не только гению народного будителя Й. С. Пресла, но и себе, как современнику и соучастнику чешского зоологического терминологического образования, а также дальнейшим поколениям этимологов и зоологов.

Примечания

¹ Маньков А. Е. К этимологии праслав. *borъ и прагерм. *barugaz // Этимология 2006–2008. М., 2010, 167–174.

² *Mediae Latinitatis Lexicon minus composuit J. F. Niermeyer in Universitate Amstelodamensi professor. Leiden: E. J. Brill, 1976, 158; Albert Blaise. Dictionnaire Latin — Français des auteurs du Moyen-Age. Lexicon Latinitatis Medii Aevi. Tynmholti MCMLXXV, 161; A Latin Dictionary founded on Andrews' edition of Freund's Latin Dictionary. Ed. By T. Lewis, Ph.D. & Charles Short, LL. D. Oxford: Clarendon Press, 1958 (1879), 302.*

³ *Detschew D. Die Thrakischen Sprachreste 2. Auflage mit Bibliographie 1955–1974. Von Živka Velkova. Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1976, 249.*

⁴ Там же.

⁵ *Кретов А. А. Балтийские и славянские продолжения и.-е. *org'-h-. Статья I: лит. isarza и праслав. *kъporzъ // Linguistica Baltica, 1994, № 3, 197–206.*

⁶ *Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. М., 1990, 406.*

⁷ *Трубачев О. Н. Из истории табуистических названий // Вопросы славянского языкознания 3 (1958), 120–124.*

Принятые сокращения

Monier-Williams — *Monier-Williams M. A Sanskrit-English dictionary etymologically and philologically arranged with special reference to cognate Indo-European languages. New edition, greatly enlarged and improved. Oxford, 1964.*

А. К. Шапошников